

УДК 82–32
DOI 10.25991/AE.2019.49.99.007

Т. В. Савинкова

Савинкова Тамара Викторовна — кандидат филологических наук, доцент Северозападного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, savinkovatv@gmail.com

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОМАНА М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ И ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В статье раскрываются причины и характер обостренного внимания М. Горького к ситуациям избыточной экзистенции — прежде всего вопросу о смерти. Рассматривается многофункциональность экзистенциальной проблематики романа «Жизнь Клима Самгина», обогатившей способы структурно-функциональной организации художественного текста, служащей индикатором мировоззренческих и нравственно-этических позиций персонажей, а также воссоздающей картину «заката эпохи».

Ключевые слова: М. Горький, «Жизнь Клима Самгина», смерть, экзистенция, экзистенциализм, экзистенциальная проблематика, «закат эпохи».

T. V. Savinkova

EXISTENTIAL PROBLEMS of M. GORKY'S NOVEL "LIFE OF KLIM SAMGIN":
STRUCTURAL AND FUNCTIONAL AND PHILOSOPHICAL-ETHICAL SIGNIFICANCE

The article reveals the causes and nature of M. Gorky's heightened attention to situations of excessive existence — primarily the issue of death. The multifunctionality of the existential problematics of the novel "The Life of Klim Samghine" is considered.

Keywords: M. Gorky, "The Life of Klim Samgin", death, situations of excessive existence, existentialism, existential problematics, "sunset era".

Изучение романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» в широком контексте художественных исканий XX века — давно сложившаяся и обогащаемая многими поколениями литературоведов традиция. В то же время недостаточность внимания горьковедов к экзистенциальной проблематике романа очевидна.

Так, современный биограф писателя П. В. Басинский пишет:

Как бы ни пытались в свое время привязать последнюю незавершенную повесть — «Жизнь Клима Самгина» к «критическому» или «социалистическому» реализму, это произведение было и остается вещью с отчетливо выраженной экзистенциальной темой — темой судьбы и положения человека в мире [2, с. 45].

На «элементы экзистенциализма» в романе «...самого, что ни на есть "пролетарского" писателя и классика реализма М. Горького» предлагает обратить внимание Н. Л. Слободянюк [14]. «В русском литературоведении не было попыток посмотреть на Горького в экзистенциальном ракурсе, — утверждает В. В. Заманская. — В этом смысле он и через много десятилетий остается "новым Горьким"» [6, с. 187]. Исследователь, призывая к изучению творчества писателя в контексте экзистенциальной традиции, идущей от Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, уделяет вни-

мание таким горьковским произведениям, как пьеса «На дне», рассказы из цикла «Заметки из дневника. Воспоминания» и роман «Жизнь Клима Самгина».

«Экзистенциальность» итогового романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина», над которым писатель работал в период наивысшей жизненной и творческой зрелости, В. В. Заманская видит в психологических первоосновах личности центрального героя и особой жанровой форме романа* — потока сознания, «который и организует замысел писателя, стремящегося показать "всю адскую суматоху конца века и бури начала XX"» [6, с. 189]. Это, по утверждению литературоведа, не только не противоречит социальной проблематике произведения, историзму оценок, но, напротив, «обеспечивает роману беспредельность, позволяет понять человека социально и исторически мотивированного еще и как человека экзистенциального» [6, с. 189].

Исследователь особо отмечает такой важный элемент экзистенциальной поэтики романа, как «ситуация "за шаг до поступка"», посредством которой создается характер Самгина с его постоянной предрасположенностью к предательству:

Цепь таких ситуаций подводит читателя (без авторского морализаторства) к истинной оценке пустой души. Сущность человека обнаруживается не толь-

* О способе нелинейной организации повествования в романе «Жизнь Клима Самгина» см. также: Савинкова Т. В. «Жизнь Клима Самгина» как культурологический роман. Проблематика и способ организации текста // Горьковские чтения 2010. — Нижний Новгород: РИ «Бегемот», 2012. С. 131–140.

ко в совершенном поступке, но и в психологической реакции на него. Нигде Горький не разоблачает Самгина, он оставляет его на грани, за шаг до поступка. Клим Самгин всегда готов к предательству. Так несостоявшаяся, нереализованная, много раз повторяющаяся ситуация раскрывает невысказываемую авторскую позицию и формирует адекватную оценку героя читателем [6, с. 190]*.

Обозначенные В. В. Заманской подходы к изучению «Жизни Клина Самгина» в контексте экзистенциализма необходимо дополнить исследованием причин и характера обостренного внимания писателя к ситуациям «избыточной экзистенции» — прежде всего «вопросу о смерти».

Экзистенциалисты ставили проблему смерти как особо значимую в критических ситуациях человека, оторванного от общества и противопоставленного ему. Универсальность идеи человеческого существования перед лицом смерти отмечена Ж.-П. Сартром в эссе «Экзистенциализм — это гуманизм» (1942 г.):

Исторические ситуации меняются: человек может родиться рабом в языческом обществе, феодальным сеньором или пролетарием. Не изменяется лишь необходимость для него быть в мире, быть в нем за работой, быть в нем среди других и быть в нем смертным [12, с. 336].

К. Г. Исупов справедливо замечает:

Революции и войны нашего столетия воздвигли живые картины активной смерти. В искусстве авангард разрушил классическую геометрию прямой перспективы и эстетику жизнеспособия. В литературе импрессионизм размыл четко очерченные контуры внешнего мира, а символизм и вовсе заменил их мифологической конструкцией. Мифология мирового Зла, танатоса и эстетические программы суицида заняли в быте и творчестве символистов центральное место. Футуризм избрал поэтику насилия и идеологию разрушения «старого мира». Ситуация человека, стоящего перед угрожающим ему извне миром, усложнялась кризисом внутреннего человека: нищезанятость и психоанализ, релятивистские концепции в физике и космогонии, неокантианская гносеология и культурфилософия «заката Европы» довершили разгром традиционных гуманистических ценностей путем простой перемены знака [8].

В таком контексте постановка Горьким в романе «Жизнь Клина Самгина» проблемы существования человека перед лицом смерти выглядит обостренной.

Горькому, как известно, была чужда пессимистическая, индивидуалистическая философия экзистенциализма, однако как художник, сформировавшийся в определенной общественной и художественно-эстетической атмосфере Серебряного века, он не мог обойти черты и мотивы, характерные для этого течения [11, с. 19]. Еще в юности Горький, по его признанию, чувствовал «смутную неприязнь» к книгам с характерными названиями: «Мертвые души», «Мертвый дом», «Смерть», «Три смерти», «Живые мощи» [3, т. 13, с. 448]. С. Г. Семенова пишет: «Упоенное преклонение перед смертью писатель считал принципиально “мещанским”» [13, с. 289]. В настроениях скуки жизни, охватившей западный мир на рубеже веков, он видел опасный для общества симптом. Русские же, полагал писатель, думают и боятся смерти больше других людей, однако это происходит исключительно из-за красоты зауспокойно литургии. Сам же Горький относился к смерти как проявлению слепых сил природы — её «идиотизму». В этом наблюдается сходство позиций писателя с философией Н. Федорова. «Смерть, — по убеждению писателя, — момент ничтожный, к тому же лишённый всякого смысла — в сравнении с длительностью жизни во времени и её насыщенностью великолепным трагизмом» [1, с. 137–139]. Тонкая художественная интуиция и богатый жизненный опыт позволили писателю во многих произведениях не только отразить самые трагические диссонансы переломного времени, но и, вопреки гуманистической природе своего таланта, сосредоточить внимание на смерти в качестве доминанты человеческого существования. В «прощальном» романе «Жизнь Клина Самгина» вопрос о смерти развернут особенно широко и многогранно.

Реализуя замысел о Климе Самгине в контексте истории личностного самоопределения героя, Горький не мог обойтись без экзистенциальной проблематики, которая обусловила своеобразие композиционного построения горьковского романа: весь художественный материал сконцентрирован вокруг фигуры главного персонажа Клина Самгина в экзистенциальном понимании — как движение героя к смерти. Моноцентрическое построение текста не противоречит многоплановости сюжетного повествования: здесь органично соединяются разные принципы построения текста: и *линейного, хронологического* изложения истории существования Клина Самгина в контексте определенных исторических реалий, и *концентрической* художественной

* Следует заметить, что мнение В. В. Заманской о том, что первым указал на экзистенциальный контекст в творчестве Горького американский ученый Дж. Б. Эдвард, не совсем точна [5, с. 187]. Гораздо более раннее обращение к экзистенциальной проблематике в творчестве писателя находим у физиолога мирового масштаба, создателя учения о доминанте А. А. Ухтомского, который еще в начале 1910-х годов обнаружил у автора «Исповеди» и «Детства» «близкие и родственные понимания» о подлинном смысле жизни и смерти и уделил этому немало внимания в дневнике и в переписке 1915 г. — см.: Савинкова Т. В. Повесть М. Горького «Детство» в оценке А. А. Ухтомского // Максим Горький: взгляд из XXI века. Материалы научной конференции с международным участием, посвященной 150-летию со дня рождения А. М. Горького. — Великий Новгород, НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2918. С. 159–170.

организации событий, свидетелем которых он является, и *потока сознания*, выявляющего экзистенциальные состояния героя (курсив мой. — Т. С.).

Горьковский роман — это роман о *человеке в истории*, при этом понятие *истории* в романе удвоено: здесь сливаются как частная, субъективная история, так и объективный процесс общественных изменений.

Уже с первых страниц Клим Самгин предстает как смертный в смертном мире: еще ребенком он узнает о смертельной болезни матери сестер Сомовых; в день ее похорон неожиданно умирает бабушка Клина; доктор Сомов стреляется на могиле жены; «совершенно оглохла и не торопясь умирала в маленькой, полутемной комнатке за кухней» нянька — бабушка Дронова [3, т. 19, с. 71].

Самгин становится не только свидетелем, но и косвенно виновным в гибели Бориса Варавки, и, чтобы освободиться от личной ответственности за случившееся, находит спасительную для себя формулу: «А был ли мальчик?»

Неожиданно для семьи Самгиных умирает Таня Куликова; «устал умирать» музыкант Спивак, наблюдая за которым Клим «впервые видел, как смерть душит человека», и «чувствовал себя стиснутым страхом и отвращением» [3, т. 20, с. 267]; уходят из жизни отец и брат Клина, Тимофей Варавка; умирает в тюрьме дядя Яков; Клим — очевидец мученической смерти Варвары; самоубийством заканчивается существование жизнелюбца Лютова; страшна посмертная участь Анфимьевны; погибают Маракуев, Туробоев; загадочен уход из жизни Марии Зотовой, Безбедова, Тагильского и т. д.

Перенасыщенная смертями повседневность настраивает Клима на восприятие всего происходящего сквозь призму бессмысленности человеческого существования, а социальные потрясения, свидетелем и участником которых он невольно становится, — ходынская давка, Кровавое воскресенье 1905 года* и революционный террор — заставляют испытывать чувство отчаяния и безысходности, неотвратимости разрушения всего мира.

Ж.-П. Сартр указывал: «Человек существует лишь настолько, насколько себя осуществляет. Он представляет собой, следовательно, не что иное, как собственную жизнь» [12, с. 333]. Что касается Клина, то почти полвека его жизни, разворачивающейся на фоне трагического слома русской истории, оказались пусты, не наполнены ничем значимым. Жизнь, ставшая неприятной до отвращения, — причина «неопределимой болезни» Клина.

В течение пяти недель доктор Любомудров не мог с достаточной ясностью определить болезнь пациента, а пациент не мог понять, физически болен он

или его свалило с ног отвращение к жизни, к людям?» Климу «не хотелось смотреть на людей, было неприятно слышать их голоса, он заранее знал, что скажет мать, Варавка, нерешительный доктор... Люди раздражали уже только тем, что они существуют, двигаются, смотрят, говорят [3, т. 19, с. 382–383]. После трагедии Ходынки Клим «устал физически и, насмотревшись на сотни избитых, изорванных людей, чувствовал себя отравленным, отупевшим [3, т. 19, с. 459].

Узнав о самоубийстве Лютова, Клим чувствует беспокойство:

Где-то глубоко под кожей назревало, пульсировало, как нарыв, слово: «смерть». Соединение пяти неприятных звуков этого слова как будто требовало, чтоб его произносили шепотом. Клим Иванович Самгин чувствовал, что по всему телу, обессиливая его, растекается жалостная и скучная тревога [3, т. 22, с. 39].

Самгин как личность, обращенная исключительно к самой себе, умирает раньше своей физической смерти. На это обращает внимание Марина Зотова, заметившая, что у Клина «под всю путаницу размышлений скрыто живет страх перед жизнью»: «Скука и есть смерть», и он давно «перестал жить» [3, т. 21, с. 159, 188].

Сам Клим вынужден признать, что чувство страха перед смертью у него настолько велико, что возникает боязнь самой жизни: он «... почувствовал, что его давит новый страхок, не похожий на тот, который он испытал на Невском: тогда пугала смерть, теперь — жизнь» [3, т. 20, с. 566–567]. Клим дважды задумывается о самоубийстве, но осознает свою неспособность к такому решительному поступку [3, т. 21, с. 264].

Отчужденность Самгина от всего происходящего делает его гибель в Петрограде в хаосе «кровавого пиршества» революции закономерной и при этом нелепой, лишенной значимого смысла. Прохожий, ударивший Клима ногой в живот, сопровождает свое грубое действие оскорбительным обращением: «Уйди! Уйди с дороги, таракан. И — эх, тар-ракан! <...> Мешок костей» [3, т. 22, с. 552].

Примечательно, что согласно народной традиции таракан символизирует неуверенное, ложное существование: *ложь на тараканьих ножках ходит* [5].

По наблюдениям культурологов, коннотация таракана символизирует особь, обреченную на гибель, что проявляется в ритуальных формах изведения тараканов, связанных с имитацией похорон: таракана заворачивают в тряпку и закапывают в землю [4, с. 425] или же подкладывают в гроб к покойнику [10].

* См. об этом: Савинкова Т. В. Поэтика катастрофы в поэме А. Пушкина «Медный всадник» и романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Ред. кол.: Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. — В 15 т. — СПб.: МАПРЯЛ, 2015.

В. Елистратов, исследовавший символику таракана в широком контексте языковых и культурных реалий, видит в таракане «один из неотъемлемых атрибутов так называемой “мещанской пошлости”»:

...Наш персонаж <...> занимает чисто созерцательную позицию “над схваткой”. Таракан как бы активизируется в смутное время, во времена революционных потрясений и ломки привычных бытовых устоев. Он выползает «на площадь» для участия во всеобщем карнавальном действе-пиршестве. Таракан-обыватель становится «плотью и кровью» массы зевак, праздной толпы [9]*.

Таким образом, символическая концовка ухода из жизни Самгина усиливает мысль о бесплодности существования героя, охваченного пессимистическими настроениями: «Жить, чтобы умереть, — это плохо придумано» [3, т. 22, с. 14].

Экзистенциальная проблематика «Жизни Клима Самгина» становится индикатором мировоззренческих и нравственно-этических позиций персонажей горьковского романа.

Так, восприятие Климом смерти родных и знакомых людей дается в романе в широком диапазоне чувств героя: от детского равнодушия и любопытства до чувства неприязни, отвращения и страха. На жалобу «уставшего умирать» музыканта Спивака: «Умираю. Осенью, наверно, умру». — «Полноте, что вы, — возразил Самгин, заботясь, чтоб слова его звучали не очень равнодушно» [3, т. 20, 10]. Навещая больного в другой раз, он торопится уйти: «До свидания, — сказал Клим и быстро отступил, боясь, что умирающий протянет ему руку. Он впервые видел, как смерть душист человека, он чувствовал себя стиснутым страхом и отвращением» [3, т. 20, с. 267].

Самгин без переживаний воспринимает болезнь и смерть отца: сначала «... глядя на его полумертвое лицо, Клим чувствовал себя угнетенно», а позже «вообще все шло необычно просто и легко, и почти не чувствовалось, забывалось как-то, что отец умирает» [3, т. 20, с. 164]. Эмоциональный рассказ Нехаевой о смерти своих родителей неожиданно настроил Клима «лирически» [3, т. 19, с. 230]. Клима называет Нехаева Смертяшкиной, на что Лидия замечает ему: «...И не смешно это» [3, т. 19, с. 252].

Самгина, далекого от онтологического осмысления смерти, не интересует ее трансцендентная загадка, он не пытается задуматься, чем будет оправдываться перед Богом. Однако, воспринимая уход из жизни своих родственников и многих из окружающих его с детства людей преимущественно отстраненно — лишь фиксируя неприятные детали их гибели, Клима со временем начинает переносить неприятные мысли о неотвратимости смер-

ти на самого себя. На похоронах Варвары «Самгин смотрел на гроб, на ямы, на пустынные места и, вздрагивая, думал: “Вот и меня так же...” “Вот и меня так же”, — неотвязно вертелась одна и та же мысль, в одних и тех же словах, холодных, как сухой и звонкий морозный воздух кладбища» [3, т. 22, с. 178–179].

Противоположное Климу поведение демонстрирует перед лицом смерти Спивак, принимающий неизбежное с мужеством и достоинством, сожалеющий лишь о том, что не сможет учить детей музыке.

Его жена Елизавета Спивак заявляет Климу: «Я люблю все элегическое. У нас лучше всего кладбища. Все, что около смерти, у нас — отлично» [3, т. 19, с. 335].

С упоением обсуждает тему смерти декадентка Нехаева, и Клима не находит «...смысла слушать ее истерические речи, вызванные страхом смерти» [3, т. 19, с. 223].

Непоказное христианское служение людям свойственно Тане Куликовой до последней минуты ее жизни.

Народное восприятие «легкой смерти» передает реакция Дронова на неожиданный уход бабушки Клима: «Ловко померла. — И тотчас добавил, обращаясь к своей бабушке: — Вот, — учись, нянька!» [3, т. 19, с. 55].

Показателен прагматизм поведения Варавки, отправившегося сначала «в Петербург хлопотать о железной дороге, а оттуда должен был поехать за границу хоронить жену» [3, т. 19, с. 62].

Отвратителен цинизм купца, о котором в связи с ходынской давкой вспоминает Поярков:

«На днях купец, у которого я урок даю, сказал: “Хочется блинов поесть, а знакомые не умирают”. Спрашиваю: “Зачем же нужно вам, чтоб они умирали?” — “А блин, говорит, особенно хорош на поминках”. Вероятно, теперь поест блинов...», [3, т. 19, с. 466].

В соответствии с традицией русской философии и литературы абсолютной альтернативой смерти является детство. В феномене ребенка заключена субстанция жизненности. В. Т. Захарова показала на примере рассказов и повести «Детство» «глубокую сущностную соотношенность детства и старости в художественном сознании М. Горького» [7, с. 61]. Примечательно, что в «Жизни Клима Самгина» совершенно отсутствуют такие «взаимодополняющие и обогащающие друг друга отношения» [7, с. 62].

Так, Клима формируется вне детства. Его жизнь выстраивается взрослыми в просветительской традиции понимания ребёнка как «взрослого маленького формата», что выражается в одежде под взрос-

* В. Елистратов, рассматривая таракана с позиций полифункциональности, амбивалентности на значительном материале русской и зарубежной литературы, совершенно не упоминает М. Горького, который органично вписывается с данной темой в ряд таких писателей, как Гоголь, Достоевский, Чехов, Булгаков, Пелевин, Мандельштам, Кафка и др.

лого, взрослой прическе «под народ», участии во взрослых разговорах, неумении общаться со сверстниками и т. д. Впоследствии Клим осознает, как ему не доставало материнской любви и внимания.

Поколение, которому принадлежит Самгин, лишено инстинкта жизни и, за исключением Елизаветы Спивак, бесплодно. Писатель Катин, говоря о своей жене, сокрушается: «Замечательно легко родит, а дети — не живут!» [3, т. 19, с. 121]. Лидия испытывает физиологическое отвращение к природным инстинктам, Макаров осуждает красавицу Алину, изуродовавшую себя абортами, Варвара отказывается от ребенка, чтобы угодить Климу, Дуняша Стрешнева объясняет нежелание иметь детей ответственностью за них: «Нет, дети — тяжело и страшно! Это — не для меня. Я — не надолго» [3, т. 21, с. 130], Безбедов цинично рассуждает о том, что не нашел женщины, годной стать матерью его ребенка. И даже самая здоровая Марина Зотова, вместо материнства, жаждет религиозного воскрешения. «Детей — не любила и не хотела», — говорит о ней Кутузов [3, т. 22, с. 170].

В период сближения с Нехаевой «...мысль, что у него может быть ребенок от этой девицы, пугала Клима» [3, т. 19, с. 248]. Ему неприятна беременность Елизаветы Спивак [3, т. 20, с. 337]. «Равнодушный к детям», Клим не находит общего языка с ее сыном Аркадием [3, т. 20, с. 502]. «Хотел бы ребенка от тебя», — говорит он Никоновой, и тут же «подумал, что он создан для холостой жизни» [3, т. 20, с. 444]. В Берлине Самгин узнает от Долганова о гибели Любимовой (Никоновой): «Убита. С ребенком. Любимова...». Однако для Клима «она давно истлела из его памяти» и лишь «чахоточный воскресил ее из мертвых» [3, т. 22, с. 17]. Довольно скоро он находит для себя утешительную мысль: «В конце концов: интеллигенция — кочевое племя, хорошо, что у меня нет семьи» [3, т. 22, с. 146].

Концепт смерти выступает в романе как средство характеристики философско-эстетических идей конкретного исторического периода. Текст изобилует дискуссиями персонажей о пессимистической философии Шопенгауэра, Ницше, символизме Метерлинка, салонными спорами о декадентах и др.

Все это по-особому оттеняет атмосферу «заката эпохи», обусловленного в немалой степени нежизнеспособностью целого поколения русских людей, занятых бесплодными разговорами, не способных к жизни, к подлинному существованию.

Таким образом, поднятые Горьким в романе «Жизнь Клима Самгина» экзистенциальные проблемы разнообразны и содержательны. Выступая в качестве стержневых идей всего произведения, они привносят в текст философскую глубину, дают возможность показать каждого героя с нравственно-этической стороны, выполняют фабульную функцию, позволившую писателю дать развернутую картину трагического существования человека в изменяющемся мире.

Литература

1. Архив А. М. Горького. Т. XII. — М.: Наука, 1969.
2. Басинский П. В. Предисловие // Рассказы. Пьесы / М. Горький. — М.: Дрофа, 2012. 477 с.
3. Горький А. М. Собр. соч. В 30 т. М.: Госиздат. худож. литературы, 1952–1953.
4. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. — М.: Индрик, 1997.
5. Даль В. В. Пословицы русского народа. — М.: Художественная литература, 1989.
6. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: Диалоги на границах столетий: Учеб. пособие / В. В. Заманская. — М.: Флинта Наука, 2002. 302 с.
7. Захарова В. Т. Детство и старость в художественном постижении М. Горького (онтологический аспект) // Человек и мир в творчестве М. Горького. Горьковские чтения 2006 года. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2008.
8. Исулов К. Г. Русская философская танатология // Вопросы философии. 1994. № 3.
9. Елистратов В. С. Новый таракан // Нева, 2006, № 12.
10. Кривошапова Ю. А. Языковой и культурный портрет реалии: таракан. [<http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/kgivosjarova.htm>] (дата обращения 14.02.2019).
11. Примочкина Н. Н. Экзистенциальные мотивы пьесы «На дне» // Человек и мир в творчестве Горького. Горьковские чтения 2006 года. Материалы Международной конференции. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2008.
12. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. — М.: Политиздат, 1990.
13. Семенова С. Г. Человек и мещанин. Отношение к смерти у Максима Горького // Семенова С. Г. Преодоление трагедии. М.: Сов. писатель, 1989.
14. Слободянюк Н. Л. Роман Максима Горького «Жизнь Клима Самгина»: Экзистенциальное начало и его влияние на язык произведения // Сборник научных трудов ФМО, КРСУ, 2003, вып. 2. <http://www.literatura.kg/articles/?aid=485> (дата обращения 20.12.2017).